

ПРАВО КРИЧАТЬ

Татьяна Осипова

Татьяна Осипова

Право кричать

«Автор»

2026

Осипова Т.

Право кричать / Т. Осипова — «Автор», 2026

Они отняли у людей боль. И вместе с ней — любовь, гнев, мечты. Неополис-23 — город без эмоций. Здесь не плачут над мёртвыми, не рисуют по памяти, не обнимают на прощание. Двадцать лет назад «Протокол Тишины» превратил людей в рабочих пчёл. Но нашёлся тот, кто отказался молчать. Виктор Крамер — лидер сопротивления, враг системы и беглец, которому некуда возвращаться. Акира Мор — дочь создателя «Протокола», запертая в золотой клетке элиты. Их встреча запустит цепную реакцию, которую не остановит даже смерть. Лабиринт. Мутанты. Дроны-убийцы. Суд, где закон переписывают на ходу. И один вопрос, который громче тишины: Что останется от человека, если забрать у него душу?

© Осипова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	11
7	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Татьяна Осипова

Право кричать

1

Утро в Неополисе-23 начиналось с ритмичной музыки. Мелодия скользила между белоснежных стен, билась в зашторенные окна и взметала над крышами стаи голубей.

Музыка обрывалась внезапно. Наступала «Великая тишина». Шум здесь — зло, нарушающее покой.

Люди просыпались и облачались в серый стандарт: офисные костюмы, комбинезоны рабочих, униформу врачей. У каждого — личный бейдж: имя, должность, штрих-код статуса. Никаких вольностей. Одинаковые стрижки у мужчин и женщин, едва заметный макияж, отсутствие украшений. Главная заповедь — не выделяться.

На бледных лицах ни тени улыбки. Дети шагали в школу стройными рядами, беззвучно, напоминая маленьких серых солдатиков.

Женщина шла слишком быстро — походка выдавала её из общей массы. Над головой завис дрон-страж. Она застыла, услышав мерзкое жужжание. Считывая бейдж, страж отправил предписание: «Продлить лицензию на Седикор». Нейроингибитор заканчивался. По лицу женщины пробежала судорога. Она опустила на колени и заплакала.

Никто не остановился. Люди шли мимо под мерный стук собственных каблучков. По проспекту беззвучно плыли машины. Неополис-23 ждал своих рабочих пчёл.

Двадцать лет назад Сочи стал первым полигоном по подавлению эмоций. Эксперимент признали блестящим: производительность взлетела, преступность исчезла. Теперь безликие номерные города множились по всей стране.

Улицы опустели. Ветер погнал по тротуару обрывок плаката. Роботы-уборщики возмущённо зажужжали, бросаясь на мусор.

Мужчина на остановке проводил их взглядом и усмехнулся: кажется, машины сегодня человечнее людей. Даже они не разучились бунтовать.

К нему подлетел дрон. Завис перед глазами. Мужчина смотрел в камеру невозмутимо, без тени недовольства. Просканировав бейдж, страж выдал:

— Срок лицензии на работу истёк. Получите новое распределение в «Службе Распределения Рабочих Ресурсов».

Он сухо кивнул.

Подошёл автобус. Приятный женский голос пригласил в салон. Мужчина сделал шаг, сердце внезапно пронзила острая боль. Он покачнулся, хватая ртом воздух. В глазах потемнело.

Он упал у раскрытых дверей. Пассажиры смотрели на него сквозь стекло, но никто не вышел.

— Поездка отменена, — бездушно сообщил голосовой помощник.

Двери сомкнулись, и автобус плавно отчалил.

Дрон-страж сфокусировал камеру на теле:

— Вызов «Скорой помощи» отправлен. Оставайтесь на месте, вам помогут.

Мужчина лежал у ножки ярко-голубой скамьи. Смотрел в синее небо и понимал: это — финал.

Последняя мысль принесла облегчение: «Наконец-то... свобода».

2

Виктор Крамер сидел в тесном кабинете. Стены пахли старыми обоями, на полках стояли книги, изданные до «цифровизации». Лидер сопротивления и враг блокираторов эмоций.

Новое мироустройство он считал муравейником. «Им не нужны мечты, только работа и матка. Но я не муравей». Эти слова его помощник Никита Курков знал наизусть. Виктор наблюдал, как в коридоре подполья дети азартно играли в «войнушку» — запрещённую забаву там, в Неополисе-23. Здесь дети были обыкновенными.

Тёмные волосы Крамера падали на лоб, в серых глазах — привычная сосредоточенность. Он прикидывал расходы в блокноте. На скуле — свежая ссадина после вылазки.

В дверь влетели двое мальчишек. Виктор невольно улыбнулся:

— Эй, полегче, пацаны... Позовите Никиту.

В комнату вошёл Курков — высокий, широкоплечий, из поколения «нередактированных». Виктор поднял на него взгляд:

— Привет. Расчёты дрянь, Никит. В этом месяце мало мяса...

— Вик, — перебил его друг. — Твой отец. Он...

Виктор замер. Знал: отец слишком часто выходил в город. Скучал по жене, бродил по старым улицам. Карандаш хрустнул в пальцах.

— Инфаркт. На остановке, — Курков отвёл взгляд. — Пока «страж» вызвал помощь, Дениса Петровича не стало.

Лицо Виктора побелело. Он смотрел сквозь друга, сжав губы. Никита понимал, что сейчас не время, но медлить было нельзя.

— Есть сигнал из «Золотого сектора». Акира Мор. Дочь создателя «Протокола тишины». Она хочет встречи. С тобой.

Крамер опустил глаза на обломки карандаша:

— Где и когда?

— В «Золотом секторе». Она готова помочь проникнуть в лабораторию. Даг Мор не стал её «редактировать». Странно, правда?

— Куда уж страннее, — выдохнул лидер мятежников.

Он смахнул одинокую слезу — ту самую, за которую в городе отправляют на коррекцию.

— Отец... Где он?

— В морге. Тебе нельзя туда, Вик. Сразу вколют препарат.

— Знаю, брат, — кивнул он. С матерью он тоже не смог проститься. — Главное, мы помним. Всех, кто там остался.

Он посмотрел на бетонный потолок. В Неополисе-23 мёртвых кремировали, а прах развеивали над морем. Родственникам выдавали фото и две белые гвоздики. Ни могил, ни урн. Власти объясняли это просто: «Лишённым эмоций ни к чему вспоминать тех, кто ушёл. Они выполнили функцию. Оплакивать их — лишнее». Гвоздики и фото выглядели бы ненужными для людей, которые не скорбят по потерям. Но те, кто устраивал погребение — работники крематория, ритуальные агенты, чиновники, подписывающие бумаги, — сидели на низкой дозе Седикора. В них ещё что-то оставалось от прежних людей, у которых ещё не выродилась человечность. Они вкладывали в эти ритуалы память за тех, кто уже не мог.

3

«Золотой сектор» сиял мрамором и стерильной чистотой. Золотистая плитка фасадов, дорожки из белого камня, азиатские садики. Розовые спины карпов мелькали в прозрачной воде — Акира любила наблюдать за рыбами с горбатого мостика.

Она только поступила в университет, но отец настоял на дистанционном обучении. Ей запрещено покидать сектор без охраны и заводить друзей. Девушка не понимала: почему она должна быть заперта? И зачем подавлять чувства?

Однажды она сказала отцу:

— Жизнь в «золотой клетке» пуста. Мне некому показать свои стихи и рисунки...

— Замолчи, — оборвал он мягко, но твёрдо. — Придёт время, и всё изменится. Ты нереклактурованная.

— Значит, мой папа — великий учёный, который просто нарушает закон? — она тряхнула длинными каштановыми волосами, которые так выделяли её на фоне одинаково стриженных горожан.

— Да, — он сжал пальцы. — Нарушаю. Ради тебя. Не создавай проблем.

Она вернулась в квартиру. С пятнадцатого этажа Акира смотрела на серые кварталы Неополиса-23. Водила пальцем по запотевшему стеклу и тут же стирала след. Творчество здесь было под запретом.

С грустью обернулась к картинам на стенах. В ящике стола лежал карандашный портрет, который она не показывала никому. Акира достала лист. Упрямое лицо, волевой подбородок, взгляд борца. Улыбнувшись, она прикоснулась к рисунку.

Она увидела его на манифестации, когда повстанцы пытались прорваться к стенам сектора. Акира проезжала мимо с водителем отца. Один взгляд на этого парня — и сердце забило, как пойманная птица. В «золотой клетке» нет места чувствам, а на воле их придётся прятать.

Девушка уже знала, как выйти на информатора Крамера. Отец не одобрит, но Акира верила: если случится беда, он будет на её стороне.

4

— Ты дома? — Акира выбежала в прихожую, едва услышав звук открывающейся двери. Сегодня отец выглядел особенно уставшим. Она обняла его и ласково поцеловала в колющую щёку.

Сердце Дага Мора дрогнуло. Он любил дочь и видел в ней сходство с погибшей женой.

— Папа, скажи, почему я не такая, как все? Я не говорю, что они правы, но... те люди... на митинге... Они настоящие — как ты, как я.

Даг хотел возразить, но на споры с дочерью у него не осталось сил.

— Однажды ты поймёшь. И, возможно, простишь меня.

Он нажал кнопку вызова ужина и стянул с шеи галстук. Акира стояла растерянная. Вопросы с каждым годом становилось больше. Ответов — нет.

Она вспомнила о портрете матери. Нарисовала его давно, и этот тайный рисунок не показывала даже отцу.

Ели молча. Даг не хотел говорить. Акира не стала его мучить. После ужина она решилась, принесла портрет матери к нему в кабинет и молча положила на стол.

— Мама родом из Японии? Поэтому меня назвали Акира.

— Да, — грустно улыбнулся отец.

Коснулся пальцами портрета — рука замерла. Впервые за долгое время ему захотелось заплакать, но он не смог. Принимал Седикор, хоть и в малой дозе. Работа обязывала. Но сейчас ему хотелось кричать. Только право на это он давно потерял.

Спрятал рисунок в сейф. Туда, где лежали папки с секретными документами, кодами доступа и файлами лабораторий.

Акира замерла в дверях, не решаясь войти. Отец не видел её. Она смотрела, как его пальцы набирают код — шесть цифр, которые она запомнила с первого раза.

5

Вентиляция пахла старой пылью и железом. Виктор пробирался по тёмному лабиринту, зная карту маршрута до «Золотого сектора» наизусть. Боль от потери отца не давала покоя, и Крамер заполнял пустоту риском. Та девчонка из элиты... Для него она была лишь продуктом роскоши, но она владела информацией, способной взорвать режим.

В «Золотом секторе» дозировку Седикора снижали. Правителям нужны были те, кто способен мыслить и творить, пока остальной Неополис-23 превращался в бессловесное стадо.

Выбравшись из шахты, Виктор оказался в коллекторе. Здесь было непривычно чисто, пахло свежей водой. До дома Дага Мора — пятьсот метров. На улице сгустились сумерки, зарядил холодный дождь. Погода сегодня на стороне Крамера. Он притаился в тени, глядя на балкон второго этажа. Свет в окнах манил теплом. Подняться туда не составило труда — выступы и колонны фасада стали идеальной опорой.

Виктор по-кошачьи спрыгнул на мокрую плитку балкона. Осторожно толкнул стеклянную дверь — та поддалась, впуская в стерильную комнату запах дождя. За столом сидела девушка. Длинные каштановые волосы — вызов законам города — мягко струились по её плечам. Акира.

Она всхлипывала, вода пальцем по рисунку. Виктор бесшумно подошёл со спины. На карандашном портрете, залитом слезами, он узнал своё лицо. От неожиданности он слишком шумно выдохнул. Акира резко обернулась. Крик застыл в горле, страх в её глазах мгновенно сменился узнаванием и робкой радостью.

— Это ты, — выдохнула она. — Ты пришёл.

— Мы разве знакомы? — Виктор сделал шаг назад.

Она покачала головой и судорожно схватила со стола мокрый лист.

— Я знаю, кто ты, Виктор Крамер. Папе не понравится, что я помогаю, но...

— Допустим, ты ещё ничего не сделала, — он склонил голову, изучая её.

— Увидела тебя на митинге. Нарисовала по памяти, — она прикусила губу. — Документы о проекте «Конвейер»... Код доступа у меня. Если у отца не хватает духа это остановить, может, получится у нас?

Виктор скептически скрестил руки на груди. Верить «золотой девочке» очень опасно, но в её глазах он увидел не каприз, а настоящую скорбь.

— Мой отец понимает, что превращает людей в кукол, — Акира шмыгнула носом. — Он страдает, но система сильнее его. Мне жаль папу... и себя. У меня нет друзей. Ты первый, с кем я могу вот так говорить.

Она снова расплакалась — искренне, по-детски.

— Почему так больно? Словно внутри что-то разрывается...

— Это называется грусть, — негромко ответил Виктор. — Раньше все так умели.

Он протянул ей клетчатый платок. Акира замерла, глядя на кусок ткани как на артефакт из забытого прошлого.

— Подожди здесь. Папа спит, он не узнает. Я всё принесу.

Она решила предать отца, чтобы спасти его. Виктор смотрел ей вслед. Она не теплолюбивое растение — она человек, сделавший выбор. Он понимал: сейчас главное — остановить машину, превращающую людей в рабочих пчёл. Его задача — победить и заставить власть расплатиться за преступления против человечности. Но запутавшуюся девчонку с большим сердцем ему стало по-человечески жаль.

Вскоре Акира вернулась с чёрным пластиковым конвертом. Рука её не дрогнула. Виктор принял документы и шагнул к балкону, но её пальцы задержались на его запястье.

— Мы увидимся снова? — в её голосе звучала мольба.

— Обязательно, — соврал он, глядя в её яркие голубые глаза.

Виктор протянул ей ладонь, но Акира, не поняв жеста, внезапно обняла его, прижавшись лицом к груди. Крамер вздрогнул от этого тепла.

— Не плачь больше, — тихо произнёс он. — Когда-нибудь мир снова научится плакать и смеяться по-настоящему.

Он шагнул к балкону и исчез в пелене дождя.

6

Виктор пытался сосредоточиться на плане лаборатории, но мысли путались. «И что мне сдалась эта девчонка? — злился он на себя. — Чувствительная, изнеженная... Она же не понимает, во что ввязалась». Он нервно грыз карандаш, пытаясь заглушить чувство вины работой.

В комнату зашёл Никита.

— Задания розданы. В резерве остался только мелкий.

— Рома? Ему же всего двенадцать, — Виктор оторвался от записей.

— Возраст нестабильный, но пацан гений. Справляется.

Курков опёрся о стол, глядя на карту.

— Слушай, а что с тем бывшим охранником, Козиным? Стоит его внедрять?

— Проверь на мелком деле. Дай задание, от которого не зависит наша безопасность.

— Часы на площади, — предложил Никита. — Установим взрывчатку. Если план в лаборатории сорвётся, обрушим их как отвлекающий манёвр.

Виктор задумчиво прикусил карандаш.

— Идея хорошая, но взрывчатку Козину не доверю. Если сдаст нас — группа окажется в ловушке. Пусть обеспечит транспорт и форму, а подрыв оставим своим. Нужно обрушить систему оповещения. Это ослепит камеры и парализует дронов. В это время Рома запустит вирус в «Центре Гармонизации». Комбинированный удар. Как тебе?

Никита понимающе кивнул, а затем хитро улыбнулся:

— Понял. А как тебе Акира?

— Никак, — Виктор отвёл глаза. — Обычная мажорка, которой скучно.

«Врёт», — отметил про себя Никита. В их деле личные привязанности часто пахли порохом и кровью, но расспрашивать не стал.

Виктор развернул чертёж.

— Выходим через вентиляцию в коллектор, оттуда — на площадь. Путь в десять километров. Четверых хватит. Главное, чтобы Ромка не струсил.

— Парни его прикроют. Выход в тех сектор через грузовой лифт. Нужна форма уборщиков.

— А Рома? В комбезе и со шваброй он будет выглядеть нелепо. Подозрительно для ребёнка.

— Может, сыграет роль внучки какого-нибудь профессора? — предложил Виктор, запустив пальцы в волосы. — Акира поможет с брендовыми шмотками и подменными бейджами. Ромка их перепрограммирует.

— Но он не захочет переодеваться в девчонку!

— Не растает за пару часов. Голос ещё не ломается, сойдёт за какую-нибудь Анабель. Ради безопасности потерпит.

Виктор сплюнул сквозь зубы и выругался. Пора было переходить к кодам, которые Акира передала в чёрном конверте. Он лихорадочно перебрал содержимое: схемы, чипы, файлы...

— Пусто, — выдохнул Крамер, чувствуя, как внутри похолодело. — Здесь всё, кроме главного ключа. Она не вложила его.

Никита подошёл ближе, заглядывая через плечо. Его лицо напряглось.

— Может, забыла? Или испугалась в последний момент?

— Или она гораздо умнее, чем мы думали, — Виктор сжал пустой конверт в кулаке, вспоминая её взгляд и то, как она прижалась к его груди. — Она оставила код у себя. Чтобы у меня не было выбора... Чтобы я вернулся.

Никита, нахмурившись, слушал, не зная, что ответить. Отпустить лидера снова в гнездо врага — идея опасная.

Он вспомнил о тёмном зеве вентиляционного отверстия, которое ещё недавно казалось пройденным этапом.

— Иди сейчас, — тихо сказал Никита, кладя руку на плечо другу. — Пока Даг Мор не обнаружил пропажу. Удачи, Вик. Постарайся не попасться дронам.

Виктор не ответил. Он уже затягивал ремни экипировки. Впереди снова ждала тёмная пасть вентиляции и девочка с японским именем, чьи глаза оказались слишком глубокими для этого фальшивого мира.

Он шёл по коридорам убежища, мимо уставших людей и спящих детей, ради которых он боролся.

7

Ливень стоял стеной. Холодная вода мгновенно пропитала куртку, но подменный бейдж работал — здание Дага Мора встретило Виктора лишь равнодушным светом жёлтых фонарей.

Дронам-стражам плевать на дождь, они видят тепло. «Акира не знает, что я вернусь, — думал Виктор, прижимаясь к стене. — А если она не одна? Если отец там?» Он медлил. Дерево у балкона намокло, кора стала скользкой. Времени на раздумья нет — долгое пребывание под окнами элиты пахло провалом.

Виктор прыгнул, пальцы в перчатках едва уцепились за ветку. С трудом подтянувшись, он влез на мокрый сук и перебрался на балкон. Сквозь незашторенное окно он увидел их.

Даг Мор не был похож на сурового учёного. Он улыбался, обнимая дочь, и легко коснулся губами её виска. Акира кивнула. Виктор замер — эта сцена «нормальной» жизни казалась чем-то инопланетным.

Когда отец вышел, Крамер спрыгнул на плитку. Дверь заперта. Порыв ветра хлестнул в лицо ледяными брызгами. Виктор коснулся стекла пальцами. В этот момент Акира обернулась — будто почувствовала его взгляд. Она подошла к двери. Их разделяло только стекло: холодное снаружи, тёплое внутри. Волосы прилипли ко лбу Виктора, он смотрел ей в глаза, и время, казалось, превратилось в густой кисель.

Она повернула щеколду и впустила его — мокрого, грязного, приносящего с собой запах шторма. В её глазах вспыхнул страх, когда она оглянулась на дверь в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.